

В. И. Тармаева

КОГНИТИВНАЯ ГАРМОНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Монография

Институт филологии и языковой коммуникации

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Виктория Тармаева

**Когнитивная гармония как
механизм текстовой деятельности**

«Сибирский федеральный университет»

2014

УДК 811.1
ББК 81.0

Тармаева В. И.

Когнитивная гармония как механизм текстовой деятельности /
В. И. Тармаева — «Сибирский федеральный университет», 2014

ISBN 978-5-7638-3127-6

Исследована когнитивная модель понимания текста, в центре которой находится феномен когнитивной гармонии. Характеризуется языковая сущность феномена когнитивной гармонии как необходимого механизма коммуникативного взаимодействия носителей языка. Предложена типология и системно-функциональная характеристика когнитивной гармонии как механизма интерпретации текста на его глубинном семантическом уровне, где происходит необходимая гармонизация / смысловое согласование разнонаправленных смысловых интерпретационных версий, неизбежно возникающих в ситуации глобального действия асимметричности языкового знака. Углублено представление об асимметрическом дуализме текста как продукта речевой деятельности. Предназначена для филологов – исследователей проблем функциональной лингвистики, лингводидактики и лингвосинергетики, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, а также тех, кто интересуется вопросами герменевтических основ техники понимания вербальных текстов.

УДК 811.1
ББК 81.0

ISBN 978-5-7638-3127-6

© Тармаева В. И., 2014
© Сибирский федеральный
университет, 2014

Содержание

Введение	7
Глава 1	10
1.1. Всеобщность гармонии	11
1.2. Временная гармония как аспект когнитивной гармонии	17
1.3. Гармония переживаний во времени	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

В. И. Тармаева
Когнитивная гармония как механизм
текстовой деятельности **Монография**

*«Гармония ... возникает из противоположностей. Ибо гармония
есть соединение разнообразной смеси и согласие разнообразного»*
Филолай

Введение

Монография представляет собой итог нескольких лет научного поиска и исследования когнитивной гармонии как механизма текстовой деятельности. Автором решается вопрос, каким образом язык преодолевает ситуацию неизбежного смыслового варьирования текста при его интерпретации. Проблема когнитивной гармонии решается на материале фрагментов событийных цепочек, представленных посредством глагольных циклов, имеющих трехчленную парадигматическую структуру. Работа выполнена на материале интерпретирующих высказываний, полученных в результате психолингвистического эксперимента посредством тестирования студентов филологического факультета. Выбор в качестве материала фрагментов событийных цепочек обусловлен исследовательской гипотезой, согласно которой в языке (и соответственно – в языковом сознании интерпретатора-информанта) имеются базовые пропозициональные структуры, интерпретация которых практически невариативна. Так, к примеру, субъектно-объектная структура предложения типа *мать любит дочь* с высокой степенью вероятности актуализирует в сознании рядового интерпретатора субъектность (мать) и объектность (дочь) «действующих лиц» данного предложения. Это относится и к исследуемым нами событийным пропозициям, фиксирующим временную последовательность действий как означаемых текста и как механизма интерпретации текста.

Термин «когнитивная гармония» обусловлен фактором гармонии, присущей всей системе языка *a priori*. См., например, системный подход к исследованию языка, связанный с работами И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова и получивший развитие в работах В. Г. Адмони, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, О. В. Александровой, М. М. Бахтина, Ф. М. Березина, В. В. Виноградова, Л. С. Выготского, В. А. Звегинцева, Е. С. Кубряковой, А. А. Леонтьева, Ю. М. Лотмана, Н. С. Поспелова, Б. А. Серебренникова, Е. В. Сидорова, Ю. С. Степанова, Л. В. Щербы и др., привел к зарождению лингвосинергетики, ставшей самостоятельным течением в языкознании, в русле которого исследуются процессы самоорганизации/гармонизации в языке (Г. Г. Москальчук, В. И. Аршинов, Я. И. Свирский, И. А. Герман, В. А. Пищальникова, В. Н. Базылев, Н. Л. Мышкина, В. Г. Борботько, Г. С. Сонин). Работы синергетической школы Г. Г. Москальчук направлены на выявление структурной гармонии модели текста (повествования в том числе) посредством «численно измеримых параметров» (К. И. Белоусов, А. Ю. Корбут, И. Ю. Моисеева).

Вместе с тем феномен гармонии на когнитивном уровне, возникающий при интерпретации текста, не подвергался специальному лингвистическому изучению в фундаментальном плане. Можно назвать лишь работы отдельных исследователей, в частности в области перевода, в которых рассматривались проблемы отсутствия когнитивной гармонии (Г. Д. Воскобойник, Е. Ю. Куницына и др.).

Удачное наименование весьма известного упомянутого выше явления расхождения сторон антиномии, которое неоднократно рассматривалось в истории науки, начиная с Э. Канта, принесло американскому психологу Леону Фестингеру признание основателя теории когнитивного диссонанса.

Когнитивный диссонанс возникает при смысловой недостаточности слова или словосочетания. Так, смысловая гармония нарушается, когда предметные существительные занимают место пропозиции, употребляясь не в своей основной и первичной, проявляя свойства имени, а во вторичной синтаксической функции, становясь предикатом, приобретая неоднозначность формы, выступая именем конкретного значения и именем событийной семантики, как проявление асимметричного дуализма языкового знака (В. Г. Гак, С. О. Карцевский). Причем предыдущая фраза, как правило, не может «утолить» возникший «информативный голод»,

поскольку принадлежит своему (другому) контексту. В результате отдельное высказывание с данной структурой допускает неоднозначную интерпретацию.

Однако в конкретном тексте смысловое определение слова происходит в оперативном порядке и, как правило, автоматически: слово «самоопределяется» (самоорганизуется), разворачивая смысл своего контекста, тем самым способствуя правильной интерпретации и поддержанию смыслового согласования (Н. Д. Голев). Иными словами, при интерпретации текста постоянно имеют место моменты, когда контекст воздействует на семантику той или иной формы. В результате происходит семантическое самоопределение формы относительно других единиц данного контекста (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Борботько). Так, асимметричный знак обретает «речевое значение, которое, актуализируясь в виде смысла», согласует высказывание с асимметричной языковой единицей с предшествующим контекстом¹. Это явление недостаточно изучено, и, тем не менее, оно широко известно и интуитивно используется в практике чтения и осмысления слов в контексте.

Согласно нашей концепции, феномен когнитивной гармонии (далее – КГ) как механизм интерпретации повествовательного текста необходимо включить в русло собственно лингвистических исследований для решения задач определения языковой сущности данного явления, обусловленного системно-структурной и функциональной природой языка, в свете идей, выдвигаемых современной коммуникативно-деятельностной лингвистикой, используя при этом соответствующий научно-понятийный аппарат и применяя адекватные сформулированным задачам научные методики.

Используемый в работе подход к исследованию когнитивной гармонии как механизма интерпретации текста вписывается, прежде всего, в русло активно разрабатываемого ныне такого научного направления, как лингвистический интерпретационизм (В. З. Демьянков, N. Chomsky, R. S. Jackendoff, W. Harris и др.) с его идеей «об интерпретируемости как свойстве языковой единицы и положением о том, что значение и смысл языковых выражений представляют собой результат интерпретирующей деятельности человека, а интерпретация как целенаправленная когнитивная деятельность состоит в установлении и/или поддержании гармонии в мире интерпретатора, что может выражаться в осознании свойств контекста речи и в помещении результатов такого осознания в пространство внутреннего мира интерпретатора, а в частности, в получении целостного объекта (результата интерпретации) и устранении того, что иногда называют "когнитивным диссонансом" (Л. Фестингер, 1984)»². В основу нашего подхода положено понимание интерпретации, разработанное В. З. Демьянковым, в соответствии с которым при интерпретации художественного текста в языковом сознании интерпретатора происходит взаимодействие метаязыковых репрезентаций, возникающих при реконструкции интерпретируемого текста, с одной стороны, и имеющихся метаязыковых репрезентаций прошлого опыта интерпретатора – с другой. В процессе интерпретации «возникает интерпретация-объект» – метаязыковая репрезентация повествовательного текста; «происходит интерпретация как процесс» – становление когнитивной гармонии асимметричного знака и когнитивной гармонии событий повествовательного текста; «имеет место интерпретация как результат»³, иными словами, «гармонизация как построение глобального значения для целого текста»⁴ – когнитивная гармония целого повествовательного текста.

Кроме того, предлагаемый нами подход актуализирует основные положения такого научного направления, как философия сознания, активно разрабатываемого в современной зару-

¹ См.: Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 21.

² Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 62.

³ Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – С. 92.

⁴ Hirsch E. Validity in interpretation. – N. Haven; L.: Yale UP, 1967. – P. 225.

бежной лингвистике (Т. Виноград, Т. А. ван Дейк, В. Кинч, Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Лакофф, У. Л. Чейф и др.). И наконец, исследование проблемы когнитивной гармонии текста актуализирует ряд ключевых положений теории интерпретации, в том числе герменевтики, рецептивной эстетики (Р. Барт, П. Рикер, Е. Hirsch и др.) и интерпретационной вариативности текста (Л. Г. Ким).

Исследование факторов, детерминирующих становление когнитивной гармонии как механизма интерпретации текста, осуществляется посредством использования метода самонаблюдения, или интроспекции, описательного метода (метода наблюдения), методов когнитивного моделирования и когнитивно-дискурсивного анализа, а также экспериментального метода, предполагающего обращение к коллективному языковому сознанию интерпретаторов посредством тестирования в различных формах.

Эксперимент, проводившийся в несколько этапов, был призван подтвердить гипотезу и обосновать когнитивную гармонию в качестве механизма и результата интерпретации, поскольку установление равновесия метаязыковых репрезентаций, с одной стороны, возникающих в процессе интерпретации, с другой – имеющихся в качестве прошлого опыта, приводит к единству вариантов интерпретации и единодушию интерпретаторов (читателей) по поводу установления связи и отношений между единицами и элементами текста, как проявление когнитивной гармонии (В. З. Демьян-ков, 1983).

Автором разработана модель когнитивной гармонии как механизма интерпретации текста, в соответствии с которой при интерпретации повествовательного текста успешное продвижение коммуникативного процесса и психологическое состояние коммуникативного удовлетворения возникают при равновесии взаимосвязанных метаязыковых репрезентаций, с одной стороны, актуализируемых в сознании интерпретатора языковыми знаками реконструируемого метатекста, и, с другой – репрезентаций прошлого опыта интерпретатора.

Исследование значимо для развития когнитивной лингвистики, для дальнейшей разработки герменевтических основ техники понимания вербальных текстов. Плодотворным видится использование теоретико-методологического инструментария концепции когнитивной гармонии при раскрытии неизученных возможностей процесса интерпретации различных единиц языка.

Изложенные в книге теоретические положения ориентированы на дальнейшее развитие теории текста. Анализ когнитивной гармонии в повествовательном тексте позволяет создать когнитивную модель организации порождения и восприятия текста. Представляется допустимым выведение данной модели когнитивной гармонии за пределы повествовательного текста и изучение природы когнитивной гармонии в различных других видах текста.

Автор благодарит всех коллег, принимавших участие в обсуждении монографии на разных этапах работы над нею, за критику и помощь. Особую благодарность автор выражает многоуважаемым рецензентам – Николаю Даниловичу Голеву и Вячеславу Борисовичу Кашкину за прочтение рукописи и критические замечания, которые были учтены при ее доработке.

Глава 1

Философские основания исследования

Идея гармонии привлекала и продолжает привлекать к себе внимание представителей различных областей знания [Шестаков, 1973; Шубников, 1927; Волошинов, 2000; Сороко, 1984; Гримм, 1955; Воробьев, 1978; Боднар, 1994; Гика, 1936; Татаренко, 1999; Гратиа, 1988; Бутусов, 1978; Владимиров, 2002, 2003; Баранцев, 2005; Харитонов, 2004; Забродоцкий, 2005; Spinadel, 1997, 2004; Bergman, 1957 и др.].

В. фон Гумбольдт отмечал: «Как бы ни был богат и плодотворен язык, никогда невозможно представить подлинный смысл, совокупность всех объединенных признаков подобного слова (обозначения внефизических объектов гармонии) как определенную и завершенную величину» [Гумбольдт, 1984б, с. 364]. В. Одоевский подчеркивал: «Когда мы употребляем это слово, мы каждым словом вздымаем прах тысячи смыслов, присвоенных этому слову (гармонии. – В.Т.) и веками, и различными странами, и даже отдельными людьми» [Одоевский, 1977].

Представляется целесообразным проследить историю развития понятия гармонии в теории и практике познания.

1.1. Всеобщность гармонии

«Все сущее в мироздании подчиняется всеобщему закону гармонии, проявление которого имеет свою специфику на различных уровнях бытия» [Шевелев, 2000, с. 7]. Хотя устремленность к гармонии является не просто одной из «необходимых потребностей, но составляет сущность культуры и определяет смысл общечеловеческого движения в Беспредельности» [Шубников, 1927, с. 34], пути достижения гармонии понимались по-разному.

Восточная культура видела путь к гармонии через совершенствование внутреннего мира личности. Главным и неисчерпаемым источником гармонии представлялось человеческое сознание [Аум. Синтез мистических учений Запада и Востока, 1990].

В одной из буддийских книг утверждалось: «Неужели владеть Вселенной непременно означает держать в руках власть, обладать могуществом, сжимать карающий скипетр и отдавать приказы и повеления? Я называю владением Вселенной совсем не то. Обрести себя и все. Обретаю себя, и тогда Вселенная обретает меня... Обрести себя – значит сохранять свою целостность и гармонию» [Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации, 1988, с. 5].

С точки зрения восточного менталитета «человеку следовало только сопрягать свою жизнь с законами космического совершенства, расширяя сознание, открывая в себе вселенский свет» (гармонию. – В.Т.) [Жермен, 1994, с. 71].

В восточной культуре глубоко осознавался феномен бесконечности мироздания, которое представлялось «не имеющим центра». Как следствие, любая точка мироздания могла считаться центром всего мира, что делало каждую вещь уникальной: «Одно во всем, и все в одном» [Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии, 1977, с. 379]. Для восточного менталитета важно было, опираясь на силу интеллекта, обнаружить «все в одном» (гармонию во всем. – В.Т.) [Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности, 1990]. Акцент делался на внутреннее совершенствование, развитие гармоничного сознания [Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации, 1988].

В западной традиции, наоборот, значительные интеллектуальные и физические усилия направлялись на преобразование внешнего пространства, совершенствование общественных отношений [Андреев, 1991]. Так, в III в. до н.э. в Греции Платон редложил проект, целью которого было достижение всеобщей гармонии посредством коренного реформирования социальной жизни. В соответствии с проектом следовало «ликвидировать частную собственность, упразднить семью, селекционировать породу человека, установить жесткий контроль за духовной сферой» [Платон, 1990, с. 23]. В эпоху Ренессанса идеи Платона вдохновили Т. Мора, Т. Кампанеллу, а позднее и Ф. Бэкона на поиск общественной гармонии [Андреев, 1991].

Несомненно, в восточном и западном мировосприятии устремленность и потребность в гармонии была и является глобальным жизненно важным ориентиром, призванным уравновесить сознание человека и окружающий мир.

Однако понятие гармонии воспринимается не всегда однозначно. С одной стороны, в обыденном общении оно проявляется как универсально-коммуникативное средство, сравните ситуации, в которых человек выражает спонтанную мысль о том, что он в гармонии с собой или что природа вокруг него гармонична. С другой же, если сама идея о гармонии оказывается в центре дискуссий, она внезапно пробуждает сомнения перед вопросом: «Что же такое гармония?». Это напоминает знаменитую мысль Августина Блаженного: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [Августин Блаженный, www.psylib.ru]).

Целесообразным представляется проследить путь гармоничного мировосприятия «от эстетики мифа к гармонии логоса» [Лосев, 1991, с. 7]. В соответствии с мифологическим мироощущением вся природа воспринималась живым, одушевленным организмом как некое

целостное. Мифология способствовала формированию чувства гармонии, в основе которого лежало осознание единства многообразного. Так, например, в мифологии индонезийцев голова верховного божества символизировала небесный купол, правый глаз – солнце, левый – луну. «Человек страстно стремился к целостному, всеохватывающему восприятию мира, пытаясь уловить логику живого космоса, утверждая прорыв к гармонии» [Немировский, 1994, с. 72].

Для мифологического мироощущения характерна глубокая вера в существование абсолютной гармонии – «золотого века». О «золотом веке» как о гармоничном времени писал Гесиод в поэме «Труды и дни». «Жили те люди, как боги, со спокойной и ясной душой, не ведая горя, не зная трудов. И печальная старость к ним приближаться не смела» [Гесиод, 1927]. В египетской мифологии период незыблемой гармонии – время, когда на земле царствовали Осирис и Исида [Лосев, 1991].

Один из наиболее ярких образов, связанных с понятием гармонии, отражен в мифе об Атлантиде. Согласно этому мифу в глубокой древности существовала высокоразвитая гармоничная цивилизация, которая называлась Атлантидой. Жители Атлантиды пользовались лазерными установками и летательными аппаратами, работающими на фантастических скоростях. Они могли общаться путем передачи мыслей на расстоянии и могли, покинув свою физическую оболочку, перейти в качественно иное состояние [Аум. Синтез мистических учений Запада и Востока, 1990, с. 181].

Накапливая и оберегая сакральный духовный опыт, мифы открывали «мир абсолютного совершенства, безграничной перспективы для каждого человека, обнадеживали и предостерегали, охватывая весь круг глобальных вопросов Космоса, втягивая индивида в мировое пространство, санкционируя пути достижения совершенного состояния гармонии» [Виндельбанд, 1995, с. 99].

«Грандиозный прорыв, связанный с жадой вселенской интеграции и, одновременно, недостаточность реальных средств для утверждения действительной, устойчивой гармонии воплотился синтетически в состояние равновесия мистического и обыденного, фантастического и реального, конкретно-чувственного и символического, что нашло яркое отражение в мифах» [Мифы народов мира, 1991, с. 13].

Мифы способствовали «возвышению» человека над обыденностью существования. Человек был не в состоянии подчинить себе явления и предметы природы (солнце, звезды, дождь, реки, ветер и т. д.), в мифах же они «включались в духовный опыт и человек управлял ими с помощью воображения, переводя в плоскость одухотворенной гармоничной реальности» [Лосев, 1965, с. 58]. Мифологическое мироощущение способствовало преодолению человеческой ограниченности и установлению гармоничных отношений с мирозданием. Преломляя отраженное бытие, первобытный человек пытался уравновесить «оковы суровой, а нередко враждебной действительности, ощущениями мгновения божественной легкости и созданием нового, очеловеченного мира, согретого теплом гармоничной духовности» [Лосев, 1965, с. 58].

Древнегреческая цивилизация выстраивает единство гармоничного мировосприятия: счастье – в душе. Если у животных главное – их телесная природа, то у человека – душевный склад. Диоген, как и стоики, полагал, что подлинную свободу и гармонию обретает лишь тот, кто свободен от страстей (потребностей), возмущающих гармонию души. Один из важнейших путей к гармонии стоики видели в стремлении к единству. Согласно им «едины люди, едины все живые существа, едина природа, душа и Бог. Высшая цель людей – преодолеть все то, что их разъединяет: этнические, расовые, социальные, государственные барьеры и слиться в космическое братство» [Лосев, 1963].

Вместе с тем «культивируется идея соразмерности сил человека и природы, гармонии микро- и макрокосма. Так, гармоничное человеческое тело становится "мерой" красоты, универсальным эстетическим принципом» [Лосев, 1963, с. 21]. Усиливается потребность в «пере-

делке» человеческой природы, поиске новых путей самосовершенствования личности [Чанышев, 1981].

В Средние века высшей ценностью становится Бог. «На путях обретения Бога как абсолютной гармонии *средневековая культура* упустила важнейшую основу для развития чувства гармонии – уникальность личности, способной осознать и уравнивать в воображении неповторимость каждого земного мгновения. Общее подавило единичное, единое стало диктатором для многообразного» [Лосев, 1965, с. 7].

В эпоху *Ренессанса* культивируется идея о том, что опыт поможет человеку найти гармонию. Человек «воспитывался на том убеждении, что созерцающий природу глядит в божественную сущность» [Лосев, 1965, с. 12]. Задача разума заключалась в том, чтобы увидеть всеобщее в частном, божественное в природном, вечное в преходящем. Гармония рассматривалась как «очищенное совершенство самой природы, которое необходимо выявить, раскрыть, адаптировать» [Лосев, 1965, с. 12]. «Идеальное просвечивает сквозь реальное» [Бахтин, 1994, с. 23].

Последующие годы, в частности *эпоха классицизма*, «свидетельствовали» о развитии абстрактного мышления. Именно в этот период реализовалась идея Лейбница о «предустановленной гармонии», вера в мудрое устройство бытия [Выготский, 1987]. Все это способствовало оптимистическому мировосприятию и культивированию идеи о возможности управлять природными и общественными процессами посредством проницательности рассудка [Реале, 1994].

Реалистическое мировосприятие представляло одну из самых заметных тенденций индустриальной культуры. «Усиливая познавательную функцию искусства, реализм в постижении мира стремился опираться на гармоничное равновесие субъективного и объективного, эмоционального и рационального, конкретного и абстрактного, уникального и типичного» [Реале, 1994, с. 51].

Импрессионистский взгляд на природную и человеческую сущности скорее мифологичен, чем реалистичен. Но это именно тот «мифологизм, который обожествляет мгновение и позволяет глубже осознать тайну вселенской гармонии» [Лосев, 1965, с. 16].

Иные формы гармонии утверждал *романтизм*. В основе романтического мировосприятия лежит «смутное томление по абсолютной гармонии, устремленность к всеобщему единству, духовному самосовершенствованию, самоорганизации» [Губанов, 1986, с. 7].

Символисты в еще большей степени, чем романтики, были обращены к выявлению той невидимой субстанции, которая организует, упорядочивает мир, гармонизирует его. «Красота символа направлена на то, чтобы приблизить страждущего к гармонии первоначала, выстроить целостный образ вселенной» [Лосев, 1965, с. 21].

XX век и начало нынешнего столетия характеризуются отсутствием единого смыслового центра, какой-либо стержневой идеи. Все же господствующий абсолютный плюрализм не мешал со всей очевидностью осознать тот непреложный факт, что мощный прорыв в науке и технике не влечет за собой спонтанной трансформации в духовном облике общества. Человек не становится гармоничнее, счастливее. Более того, развертывание безграничных возможностей науки скорее таит в себе непредвиденную реальную опасность глобальной катастрофы. Вот почему «человечество вплотную подошло к осознанию необходимости эзотерической революции, т. е. глубокого, радикального преобразования не внешнего мира, но внутреннего – человеческого сознания» [Зеленков, 1987, с. 5].

Только благодаря прорыву в мир гармонии человек начинает жить в согласии с Целым, понимая, что «только ему на земле дана эта поразительная способность не просто действовать, познавать мир как нечто механическое, но глубоко переживать тепло гармонического сияния, сакральное единство» [Крюковский, 1983, с. 7].

Приобщение к гармонии неизбежно и необходимо. Во-первых, «когда индивид не в состоянии ощутить грандиозное созвучие космоса, мир распадается. Вот почему чувство гармонии должно стать своеобразным ядром, вокруг которого группируются все остальные личностные свойства и качества» [Корниенко, 1970, с. 8].

Во-вторых, приобщение человека к гармонии как к объекту открывает беспредельность смыслового пространства, «дает возможность для четкого (как ситуативного, так и глобального) самоопределения, самоорганизации, получения ответов на самые сокровенные вопросы, выпадающие из поля зрения рационального, утилитарного способов познания» [Лосев, 1993, с. 12].

В-третьих, только с помощью гармонии «оттачивается» эмпатическая способность, в том числе эмоциональная чуткость, душевная восприимчивость, и, как результат, формируется подлинно гуманистическая личность. Гуманистическая направленность личности определяется не расширением объема информации, но степенью развития чувственно-эмоциональной сферы, способностью отзываться на добро и зло, различать уродливое и прекрасное и т. п. «Быть гуманным – значит глубоко чувствовать пульсирование жизни прошлого, настоящего и будущего, прочную взаимосвязь поколений. Быть гуманным – значит ощущать нерасторжимую связь с гармоническим строем Мироздания» [Лосев, 1991, с. 21].

Религиозные горизонты гармонии. Поиск абсолютной гармонии привел к рождению в середине I тысячелетия первой мировой религии, основателем которой был Будда [Буддийский взгляд на мир, 1994]. Стремление преодолеть зло, окружающее человека в этом мире, стало частью христианского мироощущения [Лосев, 1993]. В поиске абсолютной гармонии возникли все другие мировые религии, в том числе и ислам [Зелинский, 1995].

Все мировые религии предусматривали «возможность несоизмеримо лучшего положения вещей, чем то, которое заложено для человека в спонтанном течении бытия» [История эстетики, 1962, с. 7]. И в этом смысле нельзя не согласиться с Гёльдерлином, который утверждал, что «религия – это любовь к гармонии» [История эстетики, 1962, с. 13]. Религия культивировала синтез между человеком и Богом как источником гармонии. Посредством этого синтеза человек предпринимал попытки уравновесить «глубинную сущность мироздания и человеческого бытия» [История эстетики, 1962, с. 7].

Человек издавна пытался «адаптироваться» не только с помощью мифологии, религии, но и *искусства*. «Сущность искусства – в культе устойчивой гармонии». Подлинное искусство всегда стремится отражать «не просто эмпирические факты, мимолетное», но реальность «в ее субстанциональном значении, открывая в мгновении беспредельную глубину, пытаясь уловить и запечатлеть идеальное состояние предметов и явлений». Искусство стремится к перевоссозданию реальности, «расщеплению и переструктурированию элементов видимого мира с целью обнажения, выявления и переживания глубинных типов гармонии» [Еремеев, 1987, с. 8].

Философия уже в своем изначальном понимании мыслилась «бескорыстным стремлением к истине и приобщением к совершенству мироздания, несоизмеримо превышающего возможности человеческого познания». В то же время именно познание давало «власть над силами хаоса» [Каган, 1997, с. 12]. Именно философствование создало особый настрой ума и сердца, способствующий ценить не столько гармоничные субстанции, сколько «гармонию саму по себе». «Философ – тот, кто созерцает гармонию, кто способен видеть природу гармонии и радоваться ей» [Платон, 1994, с. 253].

С появлением философии усилилась способность человека критически мыслить, «закрепилось рефлексивное, а не эмпирическое отношение к миру». Философия оказалась в состоянии «аргументировать и возвестить ту непреложную истину, что человеческая мысль, как и само бытие общества, только тогда становятся плодотворными, одухотворенными, когда начинают течь в одном русле с космической гармонией, Софией, Логосом, и человек способен преодолеть приоритет фрагментарных ценностей» [Лосев, 1993, с. 87].

Если искусство испокон веков стремилось к тотальному воплощению реальности через открытие вселенской гармонии, то философия ставила своей задачей объяснение тотальности вещей, постижение гармонии мира в его всеобщности [Зеньковский, 1991].

Одна из первых попыток привести многообразие действительности к рациональному единству воплотилась в философии пифагорейцев. Ими было разработано понятие «числа», которое рассматривалось как результат гармонического самоопределения. По мнению пифагорейцев, число было душой гармонии, ее творческой потенцией, ибо числа «скрываются» не только в самих вещах как их структура, ритм, симметрия, но они также являются принципом их фигурного строения. Например, архитектурные сооружения, которые мы считаем красивыми и гармоничными, являют собой скрытую гармонию, так как подобные формообразования характеризуются числами «золотого сечения» [Воробьев, 1978; Гримм, 1955; Боннар, 1992].

По Платону, гармоничное существует в комплексе идей [Платон, 1990], в когниции. «Каждому классу одноименных вещей чувственного мира соответствует в мире вещей, постигаемых умом, некая вечная, не возникающая и не исчезающая, безотносительная причина того, что делает вещь именно вещью этого и никакого другого класса. И, таким образом, сверхчувственная гармония является константой вселенского совершенства». Отдельный чувственный предмет только потому воспринимается как гармоничный, что в нем актуализируется идея. С отдалением вещи от мира идей как ядра вселенной гармония убывает, исчезает. И тогда «нарастает хаотическая распыленность. Ибо прочность феноменальной реальности зависит от синтеза идеи и материи, укорененности трансцендентного мира в чувственном бытии» [Платон, 1990, с. 87].

Не менее показательно упомянутое ранее философское учение Лейбница о «предустановленной гармонии». Оно наиболее полно и ясно объясняет положение вещей: «Я вижу во всех вещах порядок и гармонию, превосходящие все то, что представляли себе до сих пор: материя везде органическая, нет никакой пустоты, ничего бесплодного, заброшенного, ничего слишком однообразного, все изменчиво в порядке, но – и это превосходит наше воображение – вся вселенная в миниатюре, но с различной перспективой представлена в каждой из ее частей и даже в каждой из ее субстанциальных единиц» [Лейбниц, 1983, с. 73].

Развитие частных наук также можно рассматривать как попытку гармонизации человеческой жизни посредством расширения познавательных горизонтов [Карлейль, 1994].

Таким образом, философия, наука, как и мифология, религия, искусство, несмотря на их принципиальные различия, считаются формами единой духовной энергии, способствующей приобщению к гармонии (обретению согласования с внешними условиями или самим собой).

Каким бы разным ни было понимание гармонии как проявления различных форм познания (также опыта) – «для мифологии гармония есть отграниченное безграничное; для религии – невыразимое, абсолютное; для искусства – неотразимое явление, трепетное, глубина сиюминутного; для философии – постигнутое интеллектуально развертывание беспредельного; для науки – реализованное на основе овладения силами природы; для морали – должное; для политики – актуализированная свобода» [Казначеев, 1991, с. 107], общим для всех этих интерпретаций является осознание того, что гармонизация представляет собой устремленность индивидуума к согласованию воспринимаемого и воображаемого.

Фактически задачи, находившиеся в центре внимания любой подлинной культуры:

- 1) гармоничного обустройства социальной жизни;
- 2) поддержания гармонии между обществом и природой;
- 3) совершенствования самого человека, решались с целью достижения равновесия между восприятием и воображением человека.

Идея гармонии предстает не просто формой теоретического познания, в которой «свернута» конкретная теория, а оказывается сложным духовным образованием, в кото-

ром синкретически слиты мировоззрение в его функции жизненной ориентации человека с первоначальной методологической установкой на теоретический охват мира как связного, взаимосогласованного целого. Гармония выступает одновременно и объектом (состояние равновесия), и процессом (самоорганизации и самоопределения), и результатом (физическое и смысловое согласование сущностей).

Поскольку гармония характеризует проявление взаимосвязи сущности и существования в материальном мире, она характеризует и когнитивные процессы (в том числе временные восприятия) (о временной гармонии как аспекте когнитивной гармонии см. в 1.2), и самоорганизующиеся системы. Понятие гармонии тесно связано с понятием самоорганизации. Понятия гармонии и самоорганизации – симметричные и указывающие на внутреннюю согласованность объекта, его природное тождество – действуют и взаимодействуют в условиях расхождений физического мира и его познания.

Вся познавательная деятельность человека направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться (самоорганизовываться, адаптироваться, «гармонизировать») в этом мире на основе имеющихся и приобретаемых знаний (опыта).

1.2. Временная гармония как аспект когнитивной гармонии

Если сознание – это «внутренний мир» человека [Шорохова, 1961, с. 256], то «переживание, как и знание, составляет одну из сторон сознания» [Шорохова, 1961, с. 258]. Существенно, что знание и переживание для субъекта выступают в единстве. Единство знания и переживания определяют очень многое в человеческом познании вообще, при интерпретации текстов, в частности.

«Переживание – непосредственно данная чувству форма данности субъекту компонентов его сознания» [Богин, 2001, с. 12]. Если иметь в виду, что в сознание входит неосознаваемое, то с этим определением можно согласиться. Эмоции в переживании вторичны. «Переживаемый смысл как феноменологический конструкт может трактоваться как значащее переживание, но вовсе не как эмоция. В отличие от эмоций значащие переживания имеют мыследействительностный источник» [Богин, 2001, с. 13].

«Когда нечто пере-живается, оно как бы про-живается». Этимологическая связь этих глаголов не случайна: «быть в ситуации, переживать ее – это и есть проживать в течение какого-то времени» [Хайдеггер, 1993, с. 49]. Иными словами, источником переживаний и «переживаемости смыслов» выступает именно единство бытия и времени. «Если человек принимает свое собственное человеческое бытие, он его принимает как проживаемое время, а если он этого не делает, то он – уже (или еще) не человек» [Хайдеггер, 1993, с. 49]. Ведь человек не задумывается о том, что жизнь есть «присутствие во времени», но живет как раз именно так, а не иначе. «Время при этом не сводится к калькуляции времени, оно есть бытие, дано как бытие, причем человеческое». Именно о таком времени идет речь, когда говорится, что «времени нет без человека» [Хайдеггер, 1993, с. 78].

«Живя, жизне- и мыследействуя, человек живет в ситуациях этого жизнедействования и мыследействования, равно как и речедействования. При этом возникает необходимость осваивать эти ситуации» [Богин, 2001, с. 123], что предполагает процесс восстановления конфигурации многих связей и отношений в этих ситуациях. Восстановление связей и отношений между многими элементами ситуации/ситуаций (событий) непременно даст смысловую гармонию как понимание [Демьянков, 1983]. Это и будет «смысл-переживание, восходящий к проживанию времени, в котором и возникают все ситуации, которые надо прожить, пережить, восстановить или объяснить» [Хайдеггер, 1993, с. 78].

«Бытие есть присутствие, а время есть череда моментов этого присутствия, т. е. мера жизне- (а для кого-то и мысле-) деятельности». Для человека сущее непременно должно выступать как целое. Согласованность (= гармония), т. е. «экзистентный момент выхода в сущее» как целое, может «переживаться» и «чувствоваться» только потому, что «переживающий» человек, не имея никакого понятия о согласованности «в каждый такой момент уже допущен в сферу согласованности», которая раскрывает сущее как целое [Хайдеггер, 1993, с. 20]. В сознании процесс переживания сущего выступает как процесс переживания целого, т. е. как овладение (восстановление) всей связью вещей и всеми их отношениями во времени.

Вслед за Э. Гуссерлем М. Хайдеггер считает, что такой статус переживаемого обусловлен его «непосредственной понятностью». «Переживание же неизбежно потому, что время и бытие неразрывны, быть – это "проживать", а потому и "переживать". Бытие как присутствие определяется через время» [Хайдеггер, 1997а, с. 81]. «Бытие и время определяются взаимно, однако так: о бытии нельзя говорить как о временном, а о времени нельзя говорить как о сущем» [Хайдеггер, 1998, с. 82].

Сущее и время проявляются как неразрывно связанные стороны «любой ситуации». А «освоение ситуации» возможно только путем «ее проживания», как переживания, причем переживание, проявляясь в качестве многоаспектного процесса, предполагает «и переживание

ситуации, и переживание сущего по частям, и переживание сущего как целого, и переживание убегающего времени, и переживание себя как переживающего, и переживание всех других актов сознания, и переживание смыслопостроения» [Велиев, 1979, с. 11–12]. Вместе с тем смыслы, выступая в качестве идеальных образований, «остаются неизменными независимо от того, существуют ли они в осознанности или бессознательности» [Велиев, 1979, с. 11–12].

Человеческая способность понимания не сводится только к сознанию, или только к рациональному. Известно, что процессы мыслительной работы, также, в частности, акты понимания, обычно не осознаются [Шалютин, 1967].

Вообще «осознание ощутимо для понимания лишь тогда, когда возникает непонимание. Когда же эта задача не стоит, именно участие интуитивности/неосознанности в процессе понимания делает коммуникативный акт понимания легким и естественным делом [Богин, 2001, с. 151]. Иными словами, «понимание актуально переживается как нечто, возникающее сразу [Шалютин, 1967, с. 12].

В понимание при этом входит и «вероятностный прогноз, основанный на опыте восприятия частот появления тех или иных компонентов текста, и оценочное отношение к ним. Хотя содержательность (= всё идеальное, включая и содержания, и смыслы) усматривается через форму, усмотрение содержательности все равно переживается как "непосредственное". При этом восприятие текстовых форм, понимание содержательности текста и переживание понятого представлены субъекту в процессе понимания слитно, иными словами, и процесс, и результат понимания выступают в единстве» [Богин, 2001, с. 154].

Вместе с тем процесс понимания начинается там, где имеет место знаковая ситуация. Понимание текста есть всегда понимание метаязыковой (идеальной) проекции текста. Текст выступает как знаковый объект. Иными словами, содержательность текста как идеальный объект также «входит» в когнитивное понимание [Демьянков, 1983].

Хотя при когнитивном понимании (становлении когнитивной гармонии) «конечный результат акта понимания переживается как "Я понял весь текст", но все же здесь сущность процесса понимания текста как целого заключается в операциях перехода от одного осмысленного элемента текста к другому» [Брудный, 1972, с. 36], находящихся в равновесии во временном сознании, ранжирующихся свободно во временную триаду – из прошлого через настоящее в будущее. Временное сознание представляет гармоничный континуум метаязыковых репрезентаций событий текста. Каждый отрезок временного континуума в человеческом сознании наделен смыслом. Постигание гармонии временного континуума проявляется как аспект постижения «смыслового согласования» [Голев, 2001] метаязыковых репрезентаций событий. Временная гармония выступает в качестве аспекта когнитивной гармонии.

Познание происходит в пространстве и во времени. Но именно время, прежде всего, предстает наиболее приемлемым средством описания сознания, поскольку «при темпоральном описании сознания воссоздается первичная структура сознания, т. е. структура смыслообразования» [Гуссерль, 1999, с. 36]. Соответственно, исследуя когнитивную гармонию, мы неизбежно исследуем временную гармонию как один из ее аспектов.

Контуры перспективы рассмотрения временной гармонии в связи с гармонией когниции стали отчетливыми благодаря И. Канту [Кант, 1964]. Временная гармония выступает средством описания гармонии когниции (когнитивной гармонии).

Философия И. Канта, как известно, оказала громадное влияние на последующую философию. Как справедливо отмечает А. В. Гулыга, «почти все разновидности современного философствования» [Гулыга, 1976, с. 496] можно считать так или иначе восходящими к И. Канту. Не являются здесь исключением и философские учения Э. Гуссерля и М. Хайдеггера – основных представителей феноменологической философии, чьи труды послужили отправной точкой данного исследования.

С феноменологической точки зрения переживание всегда предметно и возникает в связи с определенным событием, обстоятельством, ситуацией, положением дел, т. е. представляет собой переживание определенного смысла. Однако это не означает, что само событие содержит в себе смысл, который может быть интерпретирован на когнитивном уровне непосредственно. Напротив, принцип интенциональности («всякое сознание есть сознание о...» [Хайдеггер, 1997а] состоит как раз в том, что «любое событие выступает как событие, когда ему придан определенный спектр смыслов, в том числе, возможно, и тот, что такое событие происходит объективно, независимо от воли или желания отдельного индивида». Вместе с тем событие, которому не «приписан» определенный смысл (выступающее в качестве неосмысленного события), не в состоянии само породить определенный смысл, поскольку для этого необходимо наличие конститутивной смыслообразующей «системы», иными словами, сознания человека, который вовлечен во все эти ситуации «жизне-, мысле- и речедеятельностей» [Хайдеггер, 1997а, с. 99].

В свою очередь, «смыслообразующая функция» гармонии времени заключается не в том, что временная гармония «способна производить значения или смыслы, а в том, что любая фиксация смысла есть как бы приостановка» гармоничного «темпорального потока сознания, эскиз определенной» гармоничной «темпоральной конфигурации». Смысл тем самым предстает в качестве «приостановленного времени», согласно Г. Гуссерлю [Гуссерль, 1992, с. 26].

Смысл «не существует вне его схватывания или понимания» [Гуссерль, 1994, с. 54]. «Описание конституирующего сознания есть описание определенной ритмики сознания, определенного» гармоничного «сочетания временных фаз. Задать вопрос о сознании означает задать вопрос о сосуществовании переживаний или содержаний сознания в единстве темпорального потока сознания» [Гуссерль, 1994, с. 67].

Направленность на объект, иными словами, интенциональность проявляет активный «восполняющий» характер: «она синтезирует и соотносит поток данных таким образом, что воспринимается в той или иной степени идентичный объект и даже интуитивно восполняется отсутствующее» [Гуссерль, 1994, с. 67]. Так, например, «фронтальный вид дома вкупе с отбрасываемой им тенью позволяет воспринять трехмерный его образ и предположить наличие задней стены, которую никак не видно» [Гуссерль, 1994, с. 67]. И также любое событие воспринимается как продолжение в цепи предшествующих и последующих временных объектов. Временное осознание мира предстает в качестве гармоничного континуума интенциональных объектов, равновесие интенциональностей – в качестве равновесия темпоральных переживаний. Временное осознание проявляется как аспект когнитивного осознания, которому присуще смысловое равновесие/согласование. Как следствие, когнитивная гармония может быть понята в терминах гармонии/равновесия временного потока переживаний интенциональных объектов.

1.3. Гармония переживаний во времени

Гармоничность когниции разворачивается посредством гармоничной темпоральной трихотомии. Поскольку термин «гармония» изначально музыкальный термин, то наглядным примером разворачивания темпоральной трихотомии может служить восприятие мелодии (последовательности тонов), которую, как отмечает Э. Гуссерль, «нельзя объяснить единственно акустическими чувственными впечатлениями». Восприятие мелодии происходит посредством восприятия последовательности тонов: звучит первый тон, как только он отзвучит, начинается восприятие следующего тона, затем после второго начинает восприниматься третий и т. д. Эта последовательность тонов «рождает» мелодию и воспринимается в качестве мелодии только при условии возникающей связи между уже отзвучавшими и актуальными тонами. То же самое имеет место и при визуальных восприятиях, когда последовательность отдельных впечатлений складывается в единое общее впечатление. Одновременно все эти отдельные части не могут присутствовать, но благодаря «специфическому результату» [Гуссерль, 1996, с. 34] работы сознания связаны друг с другом.

В соответствии с общепринятой традицией, время представляет собой темпоральную трихотомию «прошедшее – настоящее – будущее», образующую, в соответствии с классической интерпретацией, геометрическую «ось времени». Осознание времени происходит в три этапа, в соответствии с Э. Гуссерлем, триада «вбирает в себя»:

- 1) праимпрессию (die Urimpression);
- 2) ретенцию (die Retention);
- 3) протенцию (die Protention)» [Гуссерль, 1994, с. 46].

Разложим тоны музыкального гармоничного благозвучия во времени. Мелодия начинается с первого (начального) тона, который соответствует праимпрессии. Праимпрессия соответствует временному «теперь», т. е. настоящему моменту. За первыми праимпрессиями следуют дальнейшие тоны, между которыми образуется связь, способствующая возникновению ряда праимпрессий. Каждый прошедший тон осознается ретенциально. Последовательность прошедших тонов образует ретенциональный ряд. В процессе протекания последовательности тонов мелодия «схватывается» как единое целое.

В то же время процесс улавливания мелодических тонов сопровождается состояниями «ожидания дальнейших тонов, до тех пор, пока не возникнет впечатление, что с данным тоном мелодия закончилась». Иными словами, каждый актуальный («теперь-момент») момент предполагает некоторый последующий («перспективный») момент. Таким образом, то, что в сознании приобретает статус ретенции, «одновременно делает возможной перспективу ожидания протенции» (об ожиданиях-дивинациях в повествовательном тексте см. гл. 3). «Три этих момента переживаются как «конкретное живое настоящее» и разворачиваются в «оригинальное временное поле» [Гуссерль, 1994, с. 48], которое находится в постоянном изменении.

Представление объективного времени о будущем и прошлом, выраженное в речи, представляет собой объективное представление времени, в терминах Э. Гуссерля, «объективирующую фиксацию» по отношению к потоку сознания [Гуссерль, 1994, с. 48]. Значением здесь Э. Гуссерль оправданно наделяет припоминание.

Припоминание репрезентирует уже прошедшее восприятие. При актуальном восприятии и припоминании характер последовательности праимпрессии, ретенции и протенции одинаков. Но стоит подчеркнуть, что «объективное представление времени возникает вследствие того, что сознание всегда может заново обратиться к тому же самому припоминанию, другими словами, сознание может всегда, заново идентифицируя, вернуться к нему» [Гуссерль, 1994, с. 49].

Рассматриваемый под таким углом зрения объективный порядок времени также представляет собой «результат конститутивной деятельности сознания. В представлении реципиента всегда предполагается объективное время объекта восприятия. С ним связано допущение, что данный предмет всегда можно воспринять снова» [Гуссерль, 1994, с. 49].

Создающие временные действия интегрируют настоящее и прошедшее, иными словами, различают то, что определяется в качестве актуального восприятия и восприятия, которое носит характер воспоминания. При восприятии воспринятая вещь «дается» как таковая, тогда как воспроизводство дает повторное представление. В процессе актуального восприятия «сознание последовательности является исходным сознанием». В воспоминании же, напротив, «повторяется» [Гуссерль, 1994, с. 49] сознание этой последовательности.

В восприятии находит свою реализацию, как уже было отмечено, и ожидание. Это связано с тем, что реципиент ожидает нечто, что вот-вот будет воспринято. При восприятии того, что ожидалось, настоящее неизбежно становится прошедшим.

Память (воспоминание) играет важную роль в конституировании объективного времени. Если ретенция – это «первичное запоминание», то собственно память Э. Гуссерль называет «вторичным запоминанием». «В то время как ретенция непосредственно образует актуальное восприятие как "хвост кометы", или "ретенциальный шлейф", в памяти воспроизводится и сам континуум ретенциальных модификаций, и сама первичная "точка-источник" восприятия. Феномен памяти похож на восприятие. Как и восприятие, память имеет привилегированную точку, с которой начинается воспоминание, т. е. первичную "теперь-точку"» [Гуссерль, 1994, с. 97] (в нашем случае таковой является именное сочетание (как асимметричный знак), обладающее не только предметным значением, но проявляющее событийную семантику, отсылая к прошедшему событию).

Структура памяти тождественна не ретенции, а целостной структуре восприятия. «Воспроизведение временного объекта строится в соответствии со всеми фазами, уровнями и ретенциями, которые имели место в процессе восприятия»: чтобы вспомнить именно тот предмет, который реципиент когда-то воспринимал, «воспроизведенные фазы должны быть тождественны воспринятым», но, как замечает Э. Гуссерль, «с индексом репродуктивного изменения» [Гуссерль, 1998, с. 34].

Иными словами, память и восприятие отличаются, по крайней мере, «наличием идеального предела в восприятии, т. е. наличием впечатления, которое первично порождает работу сознания по схватыванию объекта» [Гуссерль, 1994, с. 45]. Кроме того, ретенция не осуществляет себя одинаково в памяти и в восприятии. В восприятии она модифицирует порождающую «точку-источник», а в памяти – эту же точку, но только воспроизведенную [Гуссерль, 1994].

Единство фаз «праимпрессий – теперь ретенций – протенций» является наиболее общей структурой «внутреннего времени и интенциональных актов. Время – это не линия, а сеть интенциональностей» [Гуссерль, 1994, с. 34].

Каждое «частичное восприятие» протекает как фаза целостного восприятия. Данное предстает как «континуум перспектив», благодаря которому реципиент имеет возможность «достраивать образ» [Гадамер, 1988, с. 56] целостного объекта. Иными словами, полное осознание всех элементов может осуществляться только на основе предварительного понимания, осмысления целого.

Интересной представляется мысль М. Мерло-Понти: «Время – это единое движение, согласное с собой во всех своих частях» [Мерло-Понти, 1999, с. 56]. Иными словами, временные (смысловые) переживания носят системный характер. При понимании текста восстанавливается (и создается) «множество частных элементарных смыслов, в том числе и временных, которые поддаются усмотрению благодаря множеству элементарных средств текстопостроения при реконструкции целого текста» [Кант, 1994, с. 118]. Действия читателя направлены не только на то, чтобы воспринять эти смыслы и средства, но и на то, чтобы их упорядочить и

категоризовать в соответствии с системной целостностью объекта, и все эти действия происходят равномерно. «Понимание без подобной схемы – дефектное понимание, ибо действие по этим схемам дает реципиенту имплицитные указания в отношении смысла целого» [Кант, 1994, с. 118].

При построении «адекватных схем действия целого» [Кант, 1994] происходит как бы текстовое временное «управление» процессом понимания: начиная с первых же осмысленных единиц у интерпретатора формируется установка (дивинация – см. гл. 3), связанная с прогнозированием дальнейшего содержания, невозможного без воспринятого, отложившегося в памяти, переживаемого «здесь и теперь» в настоящем.

Так, при «встрече» с именным сочетанием в тексте, являющемся источником асимметрии знака на синтаксическом уровне, память возвращает нас к событиям, имевшим место в прошлом. Возникшая асимметрия уравнивается за счет построения памятью дополнительной языковой структуры – сообщением о прошлом событии, «стоящем» за асимметричным знаком, при смысловом восприятии текста. Перед интерпретатором разворачивается последовательная равновесная событийная цепочка, состоящая из праимпрессии, ретенции, протенции на когнитивном уровне.

Приведенная информация позволяет нам сформулировать свое видение гармонии. Когнитивная гармония предстает как познание состояния равновесия метаязыковых репрезентаций событий, данных как цельное и безусловное переживание внутреннего Эго интерпретатора. Соответственно асимметричные знаки неизбежно подвергаются процессам когнитивной гармонии в повествовательном тексте, поскольку читатель достигает успешного понимания повествовательного текста, воспринимая и переживая «текстовые» события и при этом не испытывая каких-либо проблем с пониманием при «встрече» с асимметричным знаком.

Обратимся к примерам:

23) *Перед тем как навсегда уйти из землянки, он положил дрова, собрался запалить сухую осоку. Постоял и начал копать в углу землянки возле окна. Бавыкину пришлось задержаться из-за мешочка с золотом. Он не сразу нашел его глубоко в тайнике между печью и окном. После положил драгоценный мешочек во внутренний карман своей куртки, присел, закурил. Теперь нужно было уходить.*

(Е. И. Замятин. Север)

В данном случае мы воспринимаем события когнитивного сценария (о когнитивном сценарии см. гл. 3) «Уход из землянки», состоящий из двух сцен (подсценариев): «Извлечение содержимого из тайника» и «Быстрые сборы». Данный когнитивный сценарий представлен глагольным циклом: решил покинуть землянку (зачин данного сложного синтаксического целого (далее – ССЦ) и праимпрессия восприятия) – собрался: вытащил драгоценный мешочек из тайника (средняя часть ССЦ и ретенция) – перед выходом присел и закурил (концовка данного ССЦ и протенция восприятия).

Словосочетание *из-за мешочка с золотом*, является источником асимметричных отношений, поскольку обозначает не только предмет – мешочек с золотом, но, иницируя работу памяти, отсылает к событиям прошлого: Бавыкин когда-то не имел «золотого» мешочка – праимпрессия прошлого события и зачин в ССЦ и когнитивном сценарии «Приобретение золотого мешочка», но он добыл мешочек с золотом – ретенция прошлого события и средняя часть упомянутых ССЦ и данного когнитивного сценария, спрятал драгоценный мешочек – протенция и заключительная часть этого же ССЦ и соответствующего когнитивного сценария (глагольный цикл: не имел – добыл – заимел и спрятал драгоценность). Интерпретатор воспринимает события прошлого непосредственно. Им переживаются эмпирические сущности – праимпрессия, ретенция и протенция – с «индексом репродуктивного изменения», поскольку они уже составляют «внутренний опыт» интерпретатора. Об этих событиях уже известно интерпретатору, он заново переживает их, но уже без того впечатления, которое они

воспроизвели тогда, когда он воспринимал их ранее. Происходит воспроизведение временного объекта – событий прошлого – в процессе видения того, что воспроизведено.

В этом случае возникает не цепочка «ассоциативных» интенций, характерных для восприятия, а непрерывное взаимодействие прошлого, будущего и настоящего, которое и вырисовывает данный фон. А это есть не что иное, как когнитивная гармония – состояние познания последовательных каузальных событий в прошлом, репрезентируемых и воспринимаемых как единый поток равновесных событий в настоящем, способствующих «рождению» будущего посредством дивинации (ожидания).

Асимметричное словосочетание *из-за мешочка с золотом* инициирует гармоничную триаду равновесных последовательных событий: вследствие того, что когда-то Бавыкин зарыл добытый им мешочек с золотом глубоко в землянке (праимпрессия), он задержался, извлекающая мешочек из тайника (ретенция), вследствие того, что он забрал драгоценный мешочек, он почти сразу покинул землянку (праимпрессия).

24) Семен заметил, что днем в зимовье никто не остается, и безбоязненно зашел в него. Зашел просто так, из непреодолимого любопытства. Вкусно пахло щами. Он достал из печки чугунок, стоя, обжигаясь, похлебал из него. Не смог удержаться. Сколько времени не пробовал ничего мясного, питался пресными лепешками да болтушкой, заваренной на воде, – пища не из последних, однако без жиров человеку жить трудно. В кладовой он сложил в мешок куски сала и мяса и ушел, дав себе слово больше сюда не возвращаться.

(Е. И. Замятин. Север)

Когнитивный сценарий «Посещение землянки» разворачивается в гармоничной триаде посредством глагольного цикла: зашел – поел – вышел, прихватив с собой съестную провизию хозяев землянки. Интерпретатор воспроизводит события пофазно: зашел, чтобы чем-нибудь поживиться (праимпрессия), – поел, по причине того, что уже продолжительное время вел полуголодный образ жизни (ретенция), – вышел (протенция). Фаза протенции рождается в ожидании, поскольку «войти вовнутрь» предусматривает, что субъект выйдет когда-нибудь наружу. Все перечисленные события равновесны, поскольку ни одно из них не может считаться более важным или выпадающим из целостного последовательного восприятия.

25) Благодаря русским солдатам она вскоре увидит свою мать, родной городок, берег моря.

Маргарета была полна благодарности к русским. Впервые за три года батраческой жизни в Германии она почувствовала себя под защитой могучей и дружественной силы. Эта сила воплотилась в маленьком стройном сероглазом капитане.

В присутствии капитана она чувствовала себя в безопасности перед старухой баронессой фон Боркау, ее управителем и разными «амтами», «ратами», «лейтерами», «фюрерами» – всем этим сложным и страшным хороводом, который разлетелся теперь, подобно нечистой силе при свете дня.

(Э. Г. Казакевич. Весна на Оudere)

Интерпретатор реконструирует триаду когнитивного сценария: вследствие того, что советские солдаты разгромили фашистскую Германию (праимпрессия), такие люди, как Маргарета, получили возможность вернуться из неволи домой (ретенция), и у них начнется новая свободная жизнь (протенция). Две последние фазы восприятия реконструируются в процессе предпонимания (ожидания).

26) Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет.

(Л. Н. Толстой. После бала)

Словосочетание «(вспомнил) полковника на площади» обозначает не только конкретное лицо – отца девушки (полковника), находившегося на площади, но и событие, происхо-

дившее там. Возникает асимметричный дуализм: одна форма знака указывает на два содержания-сообщения. Память отсылает к событию, которое произошло на плацу: через строй солдат был пропущен беглец – избит палками; после экзекуции полковник наказал одного из солдат, который, на его взгляд, был недостаточно суров и ударил беглого татарина слабо. Асимметрия подвергается процессу когнитивной гармонизации: вследствие того, что полковник показал себя на площади злым и жестоким «солдафоном» (праимпрессия), чувство любви Ивана Васильевича к дочери полковника «пошло на убыль» (ретенция), в результате он не женился на ней, поскольку увиденное кардинально изменило его мировоззрение (протенция).

Интерпретатор воспринимает события прошлого как непосредственное восприятие, но, в отличие от непосредственного восприятия, каждая фаза данного восприятия – праимпрессия, ретенция и протенция – воспроизводятся как уже осуществленные/воспринятые. События прошлого равновесным потоком воспроизводятся в процессе видения того, что воспроизведено (в начале рассказа уже пожилой Иван Васильевич вспоминает дни молодости).

27) *С седла перевесившись, шашкой махнул, на миг ощутил, как обмякло под ударом тело и послушно сползло наземь. Соскочил атаман, бинокль с убитого сдернул, глянул на ноги, дрожавшие мелким ознобом, оглянулся и присел сапоги снять хромовые с мертвяка. Ногой упирався в хрустящее колено, снял один сапог быстро и ловко. Под другим, видно, чулок закатился: не скидается. Дернул, злобно выругавшись, с чулком сорвал сапог и на ноге, повыше щиколотки, родинку увидел. Вид родинки с голубиное яйцо ошеломил его. Медленно, словно боясь разбудить, вверх лицом повернул холодеющую голову, руки измазал в крови, выползавшей изо рта широким бугристым валом. Всмотрелся и только тогда плечи угловатые обнял неловко и сказал глухо:*

– Николушка!..

Чернея, крикнул:

– Да скажи же хоть слово!

– Как же это, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.